

ли из Пензы... Клянусь тебе. Не вру ни одним словом. Мы из Пензы приехали, подошли к кассе и спросили: вот мы из Пензы, хотим или в Большой театр, или в Малый... Помнишь раньше говорили: Большой театр, Третьяковка или Сандуны? И кассирша сказала: вот вам два билета в такой-то театр, вам очень повезло, идите.

В антракте мы с ними разговариваем, с пензенцами...

— С пензенками.

— С пензенками. Я их спрашиваю: нравятся? Они говорят: ну, такой знаменитый театр, разве это может не нравиться?.. Я не против, пожалуйста, замечательно. Но потом мы собираем всех пензенцев и говорим: электорат голосует за это. Вот тебе и электорат.

— Армен Борисович!

— Скажи, мое золото.

— Вам понравился «Ванк»?

— Знаешь, я Марка очень люблю и не хочу его обижать. Ему уже немало лет, мы с тобой на эту тему говорили обо мне, но это касается всех. Потому я и говорю, что детей рожать трудно, и это не всегда зависит от твоего желания.

— Он вас легко отпустил из театра?

— Нет. Нет.

— Переживал?

— Очень. Более того, я даже пришел к нему и сказал: хорошо, я буду играть, только пощади — не два подряд и, скажем, всего три в месяц. Задержало то, что Инна Михайловна выпускала спектакль. А потом он, видно, понял, подумал хорошенько... У нас были большие баталии. Он звонил, я скрывался, потом приходил, говорил: поверь... И так далее.

— А все-таки со стороны создавалось ощущение, что вы в «Ленкоме» чужак. И тамошние первачи, по-моему, ревновали.

Я всегда выходил на сцену с верой, что я — лучший артист.

Во всяком случае, в этом помещении.

А если вы меня уговорите, то и за его пределами.

Важно только, чтобы яд не сыпался в чай, как наш друг Сальери

— Ну и замечательно. Я всегда выходил на сцену с верой, что я — лучший артист. Во всяком случае, в этом помещении. А если вы меня уговорите, то и за его пределами. Важно только, чтобы яд не сыпался в чай, как наш друг Сальери. Вопрос «Что пользы, если Моцарт будет жить и новой высоты еще достигнет?» — это наш вопрос. Мы все спрашиваем про это. Словами и поступками. Что пользы, ребята? Чему вы радуетесь?..

— Итак, что я сегодня смотрю?

— Ты смотришь «Требуется лжец». Это пьеса — ты будешь удивлена, но я признаюсь — ровно сорок лет назад я ее играл в Ереване. Пользовался бешеным успехом. Играл лжеца. Пьеса греческая, убойно смешная. И вдруг она мне в голову опять втемяшилась. С большим трудом я нашел текст в Ереванском Русском театре, дал ее подправить Виталию Павлову, и очень любимый мною Володя Ячменев ее поставил. И заварился у нас.

Не боюсь, могу тебе сказать: мне очень нравится. Но я сам знаю и актерам сказал: вас будут ругать. Особенно интеллектуальная часть зрителей. Будут сравнивать с «Поле чудес», «Аншлаг-маншлаг», мундук-бардук. Не бойтесь, я им говорю. Здесь надо пошло играть. Здесь употребимо слово «площадной театр». Жопу показывать не бойтесь. Это народный жанр. Зритель будет валивать, я даже не сомневаюсь.

— У вас зритель в основном из близлежащих районов или уже специально приезжают?

— Мы пока не знаем, какой у нас зритель. У нас нет администрации.

— Сейчас нет или никогда не было?

— Дважды уже не было. Нам дважды не везло с той администрацией, которая занимается непосредственно залом. Одна была администрация, которая пришла ко мне и вот такой том рассказала, что они будут делать. Я говорю: если это пятилетний план, я могу не выдержать... Ноль. Ничего. И со второй администрацией мы расстались. Опять начинаем искать новых людей.

В русском театре есть великая профессия — БОРЗовики. Знаешь, что такое БОРЗ? Бюро организации зрителя. Это во всех самых популярных театрах есть. Мы с тобой два-три зала заполним интеллектуальными желаемыми. Дальше надо распространять. У нас раскрученный театр, про нас знают. Мы по радио, по телевидению, у нас артисты уже достаточно известные. И хорошие, что важно.

— Да, ведь и Стас Дужников у вас? Я его очень люблю.

— У нас, у нас. В моих ожидаемых делах с Шекспиром он будет то, что надо. Это — наши артисты. И когда они идут в антрепризу или снимаются, я всегда говорю: я могу быть спокоен, что ты наш артист? Если да, тогда снимайся, мы все условия создадим, будет второй состав.

— То есть второй раз вы всю труппу целиком увольнять не будете?

— Всю — нет.

— Только частично?

— В той, первой труппе настоящая гниль пошла. Но я и сейчас боюсь паршивой овцы. Появляется новый артист, я к нему приглядываюсь.

— А что такое, по-вашему, паршивая овца?

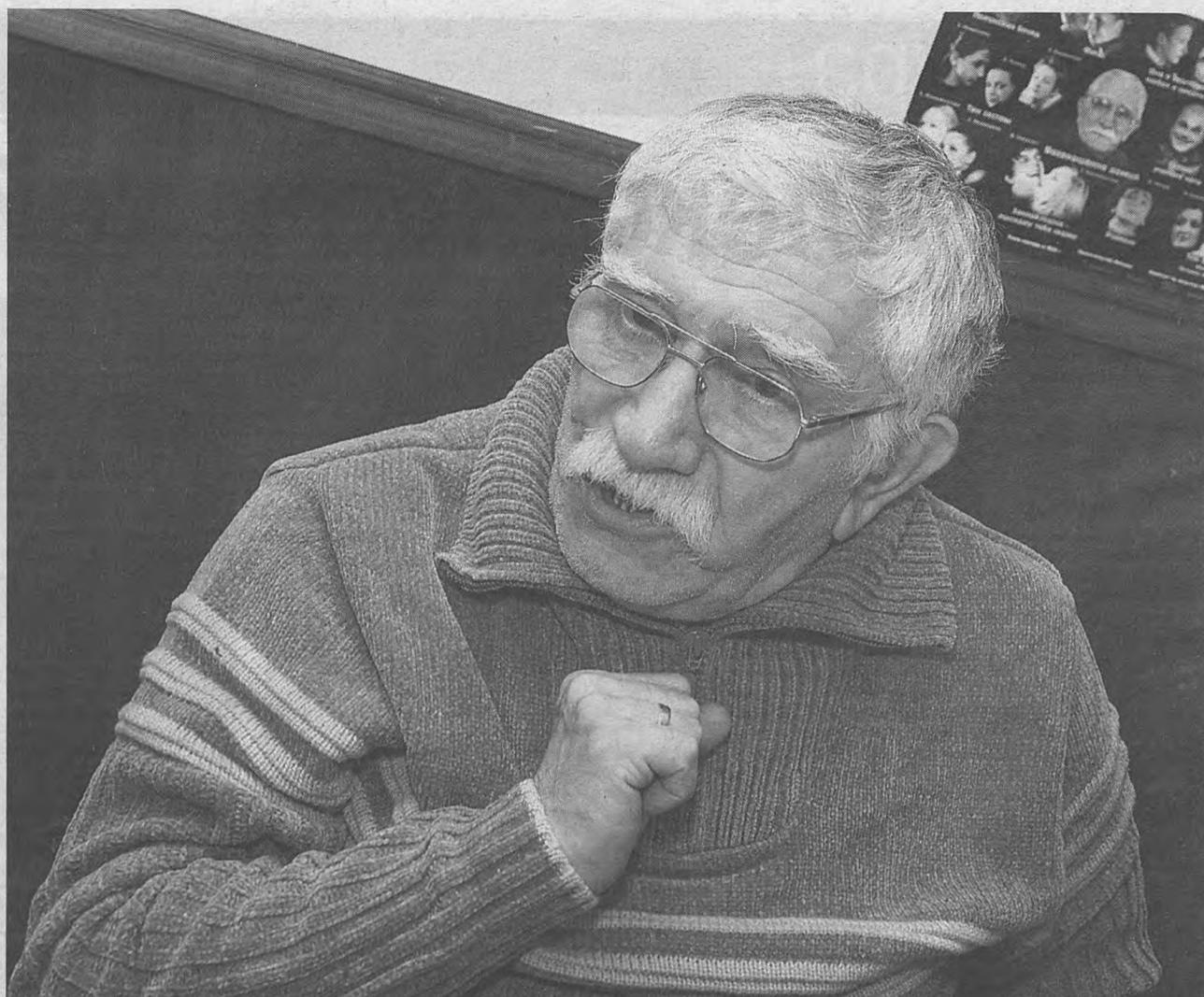
— Артисты крепостного театра. Которые дело свое не любят, хозяина не любят, дай бог, чтобы он умер скорее...

— Здание на «Спортивной» тоже за вами осталось?

— За нами. Там сейчас ремонт идет. Четыре спектакля мы перенесем отсюда туда.

— Чему вы как худрук научились за восемь лет?

— Для меня некоторые вещи стали очень важными. Я хочу, чтобы мы уважительно относились друг к другу. Чтобы вот это традиционное: народный артист Мышкин годами не разговаривает с народной артисткой Бубушкиной, — чтобы вот этого не было. Нет. Это видно. Видно даже при самом высоком мастерстве. Аура со сцены идет другая. И еще я думаю, что, пока указ не принят, по которому театры начнут душить, пока государство нам дает немножко денег, нам надо порадоваться этому. Порадоваться тому, что мы делаем. Когда говорят «должна быть ответственность», — да, ответственность, но не на уровне органов безопасности. Я имею право похулиганить. Стойку сделать. Я упаду, но ничего. Мы ведь давно знаем, что скотский серьез для каких-то других дел важен, но для искусства — нет. Более того — противопоказан скотский серьез. Все равно человек занимается искусством от избытка счастья...

МИХАИЛ ГИТЕРМАН

— А, может быть, от избытка несчастья?

— Или несчастья. Но, как сказал Шурик, печаль моя светла. Знаешь, есть правило: на сцене не может быть полная кромешная темнота. Хоть маленький лучик должен быть. Это закон сцены. Так принято. Потому что начинают бояться, если очень темно. Кошунственную вещь говорю, но, если от несчастья человек поломался, значит, творчество — не его дело. Мы ему поможем, посочувствуем, но он не может творить. Творить может тот, у которого возникает невысказанность...

— Значит, вы боитесь театральной реформы?

— А я ничего толком не знаю. Мне сказали, что лишают денег.

— Не совсем так, насколько я понимаю. Можно брать дотацию у государства, но отдавать в казну все доходы, а можно плыть самостоятельно. И что-то там еще насчет прозрачности и отчетности...

— Если это борьба с ворюгами, ее позавчера надо было начинать. Вот была история в Театре Маяковского, слышала, да? Если с этим борются, то я — за.

— У нас и покрупнее ворюг хватает...

— Ребята, как говорят в таких случаях, моя фамилия Джигарханян. Наш театр зарабатывает своим трудом. Например, мы обслуживаем Московскую область. С каждым гостем привозим деньги и на них ставим лишние спектакли. На два нам хватило бюджета, на сэкономленные мы сейчас делаем «Красную Шапку» детям.

— И вы не играете волка?

— Я играл, знаешь кого? Медведя. В пьесе Шварца, в Ереване.

— И еще вы озвучивали волка в «Красной Шапочке» Гарри Бардина, да?

— Пел — я...

В общем, мне рассказали, что снимают дотацию. Значит, меня обманули.

— Толком никто ничего не знает.

— Наш президент не нуждается в подкачках, но я думаю так: театр надо оставить в покое. В

свое время в Эчмиадзине, где живет главный католикос всех армян, проштрафился бухгалтер. Пришли к католикосу и сказали: надо на него дело заводить. Он сказал: не надо, его Бог накажет... Извини сентиментальность мою, театр не надо трогать. Если там кто-то берет взятки, его Бог накажет. Театр — как детство. Нельзя в роддоме вводить какие-то ограничения: двоих родил, третий бесплатно. Нельзя. Это очень грустные люди придумали. Надо вообще выкинуть из головы эту вещь. Пусть настоящими жуликами займется президент, там будут большие доходы в казну. А эти две копейки, которые они хотят отобрать...

— Когда вы после долгого отсутствия из Америки сюда прилетаете, у вас, наверное, шок?

— Шок уже в «Шереметьеве». Темно там. Как будто сейчас выстрелят из-за угла. И такая... Деревня Суровейкино.

— Стресс для организма?

— Я вообще-то закаленный.

— Вы как здесь живете: телевизор смотрите, следите, что происходит?

— Телевизор не смотрю, газеты тем более не читаю. Книжки читаю. Причем такие, первичные. Извини за выражение, Мон-теня беру и смотрю. Диски ставлю. Например, мне принесли три кассеты аргентинского танго. Ай,

какое я удовольствие получил! Ай, какая музыка! Такая ясная, такая точная. И театр я такой люблю. Не люблю, когда начинают, прости за выражение, выкобениваться. Значит, обо мне плохо думают, — что я такой тупенький. У меня всегда с Андреем Александровичем Гончаровым были на эту тему споры. Он любил говорить: а вот мы с Марь Ивановой это поймем? На что я придумал ответ: Марь Ивановна может не понять, но она должна почувствовать. У нее колышет. Вот тогда это будет не научно-исследовательский институт, а театр.

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ

...Я забыла привести Армену Борисовичу свой последний отчаянный аргумент: если бы он хоть иногда выходил на сцену, уровень посещаемости его театра сразу бы подскочил. Но, может, и хорошо, что забыла. На «Лжеце» зал был полон. Битковый аншлак.

Говорю честно, «Требуется лжец» — не лучший спектакль в репертуаре Театра Джигарханяна. Однако у него есть два неоспоримых достоинства. Во-первых, очень остроумный текст. Причем понятно, что большинство шуток принадлежат не Псафосу, а Павлову. Во-вторых, актер Алексей Анненков в роли депутата. Если вкратце, история такая: упитанный, плешивый, очень важный, только что избранный депутат столкнулся с неприятной проблемой. Надо как-то развязаться с предвыборными обещаниями. А депутату не до того: он страстный болельщик, время, свободное от футбола, проводит с любовницей, а кроме того, не дали ему боги ораторского таланта. То есть он говорит много, но не то, что нужно. Греческий Черномырдин. Косноязычный Цицерон. И тут рядом появляется лжец-профессионал, этаким Бендер с бабочкой на голой шее... Джигарханян в свое время играл именно эту роль. И наверняка в спектакле сорокалетней давности именно она была главной. Сегодня гораздо интереснее смотреть на депутата. Потому что сорок лет назад это был депутат чужой, капиталистический, а сегодня — наш, родной. Только вот помощники по вранью нашим точно не требуются. Зато человек, который устроил популистскую встречу с избирателями в общественном транспорте, а потом еле живой приполз в офис и составил проект указа о запрете трамваев, — не только до боли узнаваем, но даже где-то любим...

МИХАИЛ ГИТЕРМАН

«Требуется лжец» отсылает то к «Крестному отцу», то к балабановскому «Брату», то к «Афере Стивена Гласса»; Морриконе и Джо Дассен здесь переплетены с сиртаки; природный враль начинает, как Тартюф, но потом оказывается близким родственником Фигаро... Единственное, что находится за границами приличий, — это уровень сценического движения. Актеры двигаются плохо. Надо или прекратить это вообще, или учиться, учиться и учиться. Так что куда Армен Борисович не уедет. И не потому, что поздно ему. Наоборот — рано. Не все еще сделано.